

Российская Академия наук
Институт востоковедения
Санкт-Петербургский филиал

Редакционная коллегия серии:

Темкин Э. Н.

(председатель)

Алимов И. А.

Афанасьева В. К.

Берлев О. Д.

Васильков Я. В.

(ответственный секретарь)

Никитина М. И.

Резван Е. А.

Стеблин-Каменский И. М.

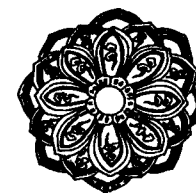
Тантлевский И. Р.

Трофимова О. И.

Эрман В. Г.

А. Ф. Троцевич

**МИФ И СЮЖЕТНАЯ ПРОЗА
КОРЕИ**

Центр «Петербургское Востоковедение»
Санкт-Петербург
1996

ББК Ш5(5К0)
ШЗ(54К0)

*This book is published with the financial support of
«THE KOREA FOUNDATION»*

*Утверждено к печати Ученым советом
Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН*

ВВЕДЕНИЕ

Т 76 **А. Ф. Троцевич. Миф и сюжетная проза Кореи.** — СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1996. — 208 с. («Миф, эпос, религии Востока. Bibliotheca universalis»).

Данное исследование представляет собой попытку найти истоки особенностей корейской сюжетной прозы на материалах преданий об основателях корейских государств, буддийских легенд, традиционных повестей и романов, а также «нового романа» начала XX века. В основе сюжетов преданий об основателях государств лежит миф о смерти-рождении божества плодородия. Участники мифа трое: солярный отец, имеющий черты Бога Грозы, хтоническая мать, обладающая признаками противника Бога Грозы — Змея, и вновь рожденное божество плодородия. Одинаковая солярная природа отца и сына представляет эту пару как старое, умирающее Солнце и новое, молодое. Фактически в мифе действуют двое — хтоническая мать-возлюбленная, зачинающая и рождающая, и солярный герой, сначала умирающий, а потом вновь рождаемый.

Взаимоотношения персонажей мифа определяют состояние космоса — хаос или гармония. Переход от хаоса к гармонии обеспечивается не борьбой и победой носителя доброго начала над силами зла, а брачной связью двух противоположных героев и рождением молодого устроителя. Эта идея плодородия (а не борьбы и уничтожения) лежит в основе разрешения конфликтов в произведениях корейской сюжетной прозы.

Вторая часть исследования посвящена древним формам классификации и в первую очередь — изучению символики цвета. Завершают исследование указатели элементов мифа, названий произведений, имен авторов и географических названий.

Издание предназначено для востоковедов, филологов, этнографов и всех интересующихся мифологией народов мира.

Набор — Т. В. Чудинова. Корейский набор — В. Д. Аткин. Корректор и редактор — Т. Г. Бугакова.
Технические редакторы — Л. В. Гохман, Г. В. Тихомирова. Выпускающий — Д. А. Ильин.
Макет подготовлен Центром «Петербургское Востоковедение». ЛР № 061800 от 16.11.92.
Издательство Центр «Петербургское Востоковедение». 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18.
Подписано в печать 1.09.96. Формат 60x90 1/16. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная.
Бумага офсетная. Объем 13 п. л. Тираж 500 экз. Заказ № 368.
Отпечатано в Санкт-Петербургской типографии № 1 РАН.
199034, Санкт-Петербург, В-34, 9 линия, 12.

Перепечатка данного издания, а равно отдельных его частей запрещена. Любое использование материалов данного издания возможно исключительно с письменного разрешения издательства.

Исключительное право на распространение настоящего издания в России и за ее пределами принадлежит Центру «Петербургское Востоковедение».

ISBN 5-85803-071-8

© Центр «Петербургское
Востоковедение», 1996
© Санкт-Петербургский филиал
Института востоковедения РАН, 1996

Зарегистрированная торговая марка

Эта книга выросла из моих исследований традиционной сюжетной корейской прозы — повести и романа. Я подходила к ним в большей мере как к явлениям культуры, и это достаточно давно заставило меня задуматься над вопросом культурного своеобразия этих жанров. Сначала я выявила это своеобразие при обобщении принципов строения сюжета и развития действия в повестях и романах, затем при анализе особенностей романа Ким Манчжуна (1637—1692) «Облачный сон девяти» (в частности, при изучении «цветного мира» произведения). Полученные мною результаты дали возможность сформулировать признаки готовых литературных форм, но эти признаки как таковые сами нуждались в объяснении.

Путь поисков объяснения того, как возникла та или иная сюжетная схема, был показан О. М. Фрейденберг и Ю. М. Лотманом, которые выводили эти схемы из мифологии. Для историка корейской литературы этот путь осложняется тем, что корейская мифология сохранилась лишь в виде фрагментов и древние мифы приходится реконструировать, а также тем, что китайская культура наложила на архаическую корейскую основу и в ходе веков так прочно спаялась с ней, что для выделения исконно корейских элементов приходится вести настоящие раскопки, пробиваясь сквозь мощный китайский культурный пласт. Быть может, ввиду этих сложностей до сих пор таким путем не ходил никто из исследователей традиционной корейской сюжетной прозы.

Базисными текстами исследования являются предания об основателях корейских государств, которые рассматриваются как сюжетно развернутый миф о смерти-рождении божества плодородия.

На основе текстов преданий предпринята попытка выделить их мифологическую основу и рассмотреть героев преданий как участников мифологического действия. В связи с этим выделены два плана работы. В первом исследуются функции и взаимоотношения персонажей. При всем внешнем многообразии действующих лиц и содержательном различии рассматриваемых преданий были выделены три группы персонажей. В основе этих

групп лежит триада, состоящая из пары родителей и порожденного ими младенца. Взаимоотношения членов триады можно интерпретировать в виде дихотомии, которая формулируется как «хаос-космос». Переход взаимоотношений между героями от хаоса к космосу и составляет основу сюжетного развития произведения.

Во втором плане работы изучается система классификаторов, связанная с выделенной триадой. Поскольку в задачи работы не входит исчерпывающее описание таких классификаторов, для анализа были выбраны типы, наиболее характерные для изучаемых текстов: цветовые и предметные, например зооморфные. При этом, ведущее место отведено исследованию цвета, поскольку в преданиях об основателях государств (в наших базисных текстах) прежде всего обращает на себя внимание непременная соотнесенность действующих лиц с цветом.

Исследованию этих двух планов соответствуют две части работы. Одна посвящена истокам сюжетного повествования, другая — древним формам классификаций и в первую очередь — изучению символики цвета.

Работа выполнена преимущественно на материале языковых текстов. Памятники материальной культуры и искусства нами почти не использовались.

Исследуя крупные повествовательные формы в корейской средневековой литературе, я пришла к выводу о том, что корейские повести и романы обсуждали проблемы достижения гармонии личностью и предлагали два пути решения эти вопросов. Один вел к образцовому социуму, другой — к отрицанию социальной жизни вообще. Развитие действия в произведениях, посвященных социальным проблемам, изображается как процесс, идущий от хаоса к установлению всеобщей гармонии, которую должно обеспечивать правильное социальное поведение героев (внутренняя гармония личности — компонент космической гармонии). Другая группа произведений ищет гармонию не в идеальном социуме, а в слиянии с истинной реальностью, которая лежит за пределами феноменального мира (феноменальный мир не гармоничен, и для того, чтобы достигнуть внутреннего устроения, личность должна от него освободиться).

Рассматривая принципы строения сюжетов средневековых повестей и романов, мы обнаружили, что все они организованы по одной схеме: герои идут от неустроенности через испытания к устроению. Устойчивость этой схемы, которая лежит в основе произведений, совершенно не похожих друг на друга ни по идеям, ни по сюжетам, навела меня на мысль исследовать ее истоки.

Далее, другой особенностью традиционной корейской сюжетной прозы является широкая распространенность семейной

темы — взаимоотношений двух жен (жены и наложницы). Сюжеты повестей и романов, рассматривающих социальные проблемы, как правило, основаны на женском конфликте. Одна из женщин добродетельная. Ее притесняет (изгоняет из дома, убивает) другая — злая. «Злодейка» не только преследует соперницу, но часто разрушает и всю семью. Таким образом, с одной из женщин связан мир, с другой — разрушение. В произведениях, рассматривающих этот конфликт, действие развивается от гармонии к торжеству зла и снова к гармонии. Особый интерес к семейным конфликтам в корейской традиционной сюжетной прозе, возможно, имеет свои причины, которые мы и попытаемся выяснить.

Корейские исследователи литературы ставили проблему источников некоторых постоянных мотивов в корейских повествованиях. Так, Хван Пхэган в монографии «Исследования корейской повествовательной литературы» посвятил специальные разделы изучению мотивов сна и пребывания героя в закрытой емкости (пещере, комнате, колоде, сундуке и пр.). Исследовав большое число текстов, автор приходит к выводу о том, что мотив сна связан с древней верой в способность души временно расстаться с телом (121, 33—70). Источник мотива временного пребывания героя в закрытом помещении Хван Пхэган находит в представлениях о суточном солярном цикле — временном (ночном) уходе солнца в лоно матери-земли (121, 360—381). Устойчивость сложившихся в древности моделей мироустройства автор прослеживает и в произведениях современной литературы. Например, в основе рассказов Хён Чингона «Огонь» (1924 г.) и Ким Тонина «Безумная огненная соната» (1930 г.) исследователь находит ту же идею очистительной функции огня, что и в мифах и ритуалах многих народов мира (121, 338—363).

Для обсуждения поставленных нами проблем (развитие действия как движение от хаоса к устроению и взаимоотношения двух жен как основа конфликта) обратимся к ранним сюжетным произведениям — преданиям об основателях государств. При этом главное внимание уделим трем группам преданий: о появлении сына Небесного государя и рождении Тонмёна-Чумона, основателя северного царства Когурё, о Хёккосе — основателе юго-восточного государства Силла и о жене Суро — основателя южного царства Карак. Мы обратились к этим трем преданиям, поскольку в них наиболее ясно представлена картина сюжетного развертывания мифа.

	Связь цветообозначений со странами света. Оппозиция цветов	144
	Семантика цвета в сюжетной прозе XVII—XX вв.	152
	Ким Манчжун. «Облачный сон девяти».	152
	Повесть «Чхунхян»	155
	Ли Инчжик. «Гора Чхиаксан»	157
	Заключение.	161
	Библиография	164
	Указатели.	170
	I. Указатель элементов мифа	170
	А). Мотивы.	170
	Б). Участники космогонического действия — смерти-рождения солярного божества плодородия.	172
	В). Миф о поединке Бога Грозы со Змеем и его участники	176
	Г). Цветовые классификаторы	177
	II. Указатель названий произведений	179
	III. Указатель имен авторов.	182
	IV. Указатель географических названий	183
		
Введение	5	
ИСТОКИ СЮЖЕТНОГО ПОВЕСТВОВАНИЯ	8	
Предания об основателях государств	8	
Появление сына Небесного государя и рождение Тонмёна-Чумона — основателя государства Когурё	8	
Предание о Хёккосе — основателе государства Силла	28	
Предание о появлении жены Суро — основателя государства Карак	40	
Миф и ранние образцы сюжетной прозы	46	
Миф и сюжетная проза XVII—XIX вв.	57	
Ким Манчжун. Скитания госпожи Са по югу.	57	
Роман «О том, как прославили добродетель и воззвали к справедливости»	60	
Повесть «Чхунхян»	66	
Повесть «Ян Санбэк»	70	
Миф и «новый роман» (начало XX в.)	75	
ДРЕВНИЕ ФОРМЫ КЛАССИФИКАЦИИ (СЕМАНТИКА ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЙ)	83	
Тексты преданий	86	
Цветообозначения	92	
Желтый цвет	92	
Белый цвет	95	
Красный цвет	104	
Зеленый цвет	116	
Золотой цвет	118	
Черный цвет	125	
Огненно-рыжий цвет.	136	
Географическое размещение зооморфных топонимов и цветообозначений.	141	